

У наш час найбільш плідні розвідки проводяться на межі лінгвістики тексту, лінгвопоетики і ономастики (з урахуванням психологічних особливостей сприйняття тексту словесного мистецтва). У даній роботі акцент зроблено на вивченні заголовку в функціональних параметрах.

Ключові слова: Петербург, російський символізм, А. Бєлий, роман “Петербург”, заголовок, назва, ім'я тексту, лінгвістика текст.

Summary

Andrey Bely named his best work with the name of the city – “Petersburg”. This text remained in the history of Russian literature not only as an experimental Symbolist novel, but also as a literary image of the city the name of which it bears. The name of the text, being its relatively independent part, belongs to it fully at the same time. The studies of the title have a long history. Nowadays the most productive studies concern text linguistics, linguopoetics and onomastics (not forgetting the psychological peculiarities of the literary text comprehension). Our work emphasizes the study of the title in text linguistics.

Keywords: St. Petersburg, Russian Symbolism, Andrey Bely, “Petersburg”, title, name, text name, text linguistics.

УДК 82–3

Повх Ю.А.,
аспірантка,
Астраханський державний університет

АНТИТЕЗА “МОСКВА–ПЕТЕРБУРГ” В МАЛОЙ ПРОЗЕ АНДРЕЯ БИТОВА

Взаимоотношения Москвы и Петербурга стали объективным фактом русской истории с момента закладки города на Неве и касались самых различных сторон историко-культурного развития России. В общественном сознании россиян были четко осознаны сущностные различия старой и новой столиц, представляющих две политические концепции и закрепляющих два типа культуры.

Данная проблема детально разработана в отечественной науке. Существует значительное количество работ, в той или иной степени освещающих отдельные аспекты проблемы. Антитезой “Москва–Петербург” интересовались такие исследователи, как В. Топоров, К. Исупов, Ю. Лотман, В. Шубинский, М. Каган, Н. Анциферов и другие. В художественной литературе в своих произведениях к этой теме обращались А. Радищев (“Путешествие из Петербурга в Москву”), К. Батюшков (“Прогулка в Академию Художеств”, “Прогулка по Москве”), А. Пушкин (“Евгений Онегин”, “Медный всадник”, “Пиковая дама”), М. Лермонтов (“Княгиня Лиговская”), Ф. Достоевский (“Белые ночи”, “Преступление и наказание”), Н. Гоголь (“Петербургские записки 1836 года”), В. Белинский (“Петербург и Москва”), А. Герцен (“Москва и Петербург”), А. Белый (“Москва”, “Петербург”), А. Блок (“Утро в Москве” и др.), О. Мандельштам (“Петербургские строфы”, “Я вернулся в мой город, знакомый до слез” и др.) и многие другие. Среди работ, исследовавших историю и быт Москвы и Санкт-Петербурга, можно назвать “Старую Москву” и “Старый Петербург” М. Пыляева, “Из истории Москвы” В. Назаревского, “Физиологию Петербурга” под редакцией Н.А. Некрасова, “Петербургские углы”

Н.А. Некрасова, “Историю города Москвы” И. Забелина. Среди культурологических исследований по данной теме можно выделить работы К. Исупова (“Душа Москвы и гений Петербурга”), М. Кагана (“Град Петров в истории русской культуры”), Н. Анциферова (“Душа Петербурга”) и другие.

Объект исследования настоящей статьи – тексты малой прозы Андрея Битова.

Предмет исследования – противопоставление Москвы и Петербурга как крупнейших социокультурных явлений в творчестве Андрея Битова.

Цель работы состоит в том, чтобы проследить противопоставление двух столиц в текстах малой прозы Андрея Битова, выявить социокультурные смыслы этой антиномии и сделать вывод об эволюции темы “Москва–Петербург” в малой прозе Андрея Битова.

Поставленная цель предполагает необходимость решения следующих частных задач:

1) кратко описать историю возникновения противопоставления двух культурных центров;

2) определить корпус социокультурных проблем, связанных с осмыслением антитезы “Москва–Петербург” в прозе Андрея Битова.

Исследователи выделяют несколько основных параметров, по которым обычно противопоставляют две столицы.

Во-первых, почвенная изначальность естественно растущей Москвы традиционно противопоставляется городу, воздвигнутому наперекор стихиям и здравому смыслу, – сплошь искусственному, рационально организованному Петербургу. На фоне других, европейских столиц (не исключая Москвы), вырастающих постепенно и стихийно, Петербург воспринимался как город “умышленный”, “вымышленный”, “вытащенный” (Д.С. Мережковский) из земли (болот?).

Во-вторых, Санкт-Петербург “обвиняли” в европеизме, который воспринимался негативно как нечто чуждое, враждебное национальным началам и народному духу России. Как считали славянофилы, Россия разделилась надвое, на две столицы. С одной стороны, – Государство с иностранной столицей Санкт-Петербургом, с другой стороны, – земля, народ с русской столицей Москвой.

В-третьих, два города всегда спорили за приоритет столичных функций. Так возникла проблема “столица–провинция”. Создание Петербурга и перенос столицы из Москвы в город Петра положило начало соперничеству и противопоставлению двух этих городов. Здесь важно отметить интересный момент. Начало петербургской истории отодвинуло Москву на второй план; духовенство при этом встало в оппозицию к императору. Как отмечают многие исследователи Москвы и Петербурга, война 1812 года превратила Москву в “страдалицу”: “Россия любила и жалела Москву за то, что узнавала в ней себя. Москве долго удавалось сохранить провинциальный уклад, сочетая его с благами цивилизации и культурным назначением столицы. <...> Взаимная любовь закрепила за Москвой образ “сердца России”” [3].

В 1918 году большевистское правительство перенесло столицу в Москву. Ей был назначен статус “образцового коммунистического города”, в то время как в

сознании ее жителей возникает негативный образ столицы. О.И. Вендина отмечает, что активно формируется миф о том, что Москву и москвичей в России не любят, что Москва – место равнодушного чиновничества, то есть столицу воспринимают так, как ранее воспринимали Петербург.

Городом Петра, напротив, стали восхищаться; его населению приписывается утонченность, рафинированность. Ориентации Москвы и Петербурга диаметрально изменились. Теперь Москва претендует на роль европейского города (при этом западничество трактуется как продвинутость приватизации, экономических реформ, развития сферы услуг и т.д.), а Петербург выражает самобытность России с ее презрением к меркантильности, с приоритетом духовных ценностей.

В культурологических и литературоведческих исследованиях антитеза Москвы и Петербурга выстраивается по одной из двух схем. По одной из них бездушный, официальный, казённый, казарменный, абстрактный, неудобный, нерусский Петербург противопоставляется душевной, уютной, патриархальной, естественной, русской Москве. По другой схеме Петербург как культурный, цивилизованный, планомерно организованный, гармоничный, логичный, европейский город противопоставляется хаотичной, беспорядочной, нелогичной, деревенской Москве.

Традиция сопоставления и противопоставления Москвы и Петербурга началась давно. Мы в своей работе принимаем точку зрения В.Н. Топорова, указывающего ключевой момент, в котором два города резко друг другу противопоставлены. Это "важнейшая пространственная характеристика, совмещающая в себе черты диахронии и синхронии и имеющая выход в другие сферы (вплоть до этической). Москва, московское пространство противопоставляется Петербургу и его пространству как нечто органичное, естественное, почти природное, возникшее само собой, без чьей-либо воли, плана, вмешательства, – неорганичному, искусственному, "сугубо культурному", вызванному к жизни некой насильственной волей. Отсюда – особая конкретность и заземленная реальность Москвы в отличие от отвлеченности, нарочитости, фантомности "вымышленного" Петербурга (с одной стороны, образ города-растения, с другой, многочисленные примеры описания Петербурга как миража, фикции)" [5].

События практически всех рассказов А. Битова разворачиваются в Петербурге, а если за его пределами, то авторские интенции неизбежно обращают читателя к мыслям о Петербурге, побуждают сравнивать петербургское пространство с пространством места действия. Сопоставление двух городов – Москвы и Петербурга – также занимает в рассказах А. Битова значительное место.

С этой точки зрения очень интересен рассказ "Дворец без царя", в котором Битов, локализуя пространства двух городов, обращается к сравнению их площадей – Красной (Москва) и Дворцовой (Петербург). По мнению В.Н. Топорова, "разница в структуре между полновесным пространством Москвы и квазипространством Петербурга объясняет, почему в Москве живется удобно, уютно, свободно ("по своей воле"), надежно (с опорой на семью, род, традицию), а

в Петербурге – не по своей воле и безопорно” [5]. В рассказе “Дворец без царя” Битов утверждает мысль о непригодности Дворцовой площади (а шире – Петербурга) для жизни, в отличие от Красной площади (Москвы): “<...> Красная площадь – куда живей со своим сторублевым пейзажем: Лобным местом и Мавзолеем, Василием Блаженным и ГУМом. И хотя с нее согнали народ, но стоит впустить торговцев в храм, как тут в одночасье закипит жизнь.

На Дворцовой – не закипит. На ней настолько некуда деться, что человек как-то на нее и не заходит. Как в дурном сне – ни одной двери, одни фасады. Площадь была задумана для Дворца, а не для человека” [2, 357].

В рассказах Битова противоположные чувства к Петербургу уживаются, часто в пределах одного текста, как например, в рассказе “Дворец без царя”. Сравнивая площади двух городов, писатель утверждает мысль о противопоставленности реального, полноценного, уютного пространства Москвы квазипространству Петербурга ““На Красной площади всего круглей Земля”, – писал Мандельштам. На Дворцовой она всего пустей” [2, 358]), в конце рассказа он все же резюмирует: “И если вы, с рассветом или бессонной ночью, бродя по Петербургу <...> если вы выйдете на естественно пустую в такой час Дворцовую площадь <...> то вы поймете, как же она прекрасна!” [2, 358].

Очень показателен в плане утверждения антитетичности Москвы и Петербурга другой рассказ Битова – “Раздвоение личности (Исповедь двоеженца)”. Повествование Битов начинает с горького возмущения о том, что “переезд из Ленинграда в Москву считается *изменой*” [2, 365], и его, коренного ленинградца и потомственного почетного гражданина Санкт-Петербурга, считают “изменником и москвичом лишь на основании штампа в паспорте!!” [2, 365], потому что он переехал в Москву. Личные переживания наводят автора на размышления о судьбах и противостоянии двух столиц России – бывшей и нынешней.

Первое, на чем останавливает внимание писатель, – два памятника Ленину – в Москве и Ленинграде, – которые встречают любого приезжающего в город, так как находятся на вокзалах, названных, кстати, Московским (в Петербурге) и Ленинградским (в Москве). С упоминания о названиях вокзалов в рассказе начинается построение своеобразной цепочки антонимического ряда, характеризующего два города. Напомним, что В.Н. Топоров в работе “Петербург и “Петербургский текст русской литературы” (Введение в тему)” приходит к выводу о том, что “образ Петербурга в петербургском тексте во многом строится как мифологизированная антимодель Москвы” [5]. Рассказ “Раздвоение личности (Исповедь двоеженца)” – наглядный тому пример.

Открывая сопоставление Москвы и Петербурга описанием двух вокзалов, “ворот” городов, Битов подчеркивает их сходство: “Вокзалы построены одним архитектором по образу и подобию друг друга. В Петербурге вокзал называется Московским; в Москве – Ленинградским. В конце пути поставлена поперечная полосатая шпала, чтобы, по-видимому, поезд насквозь не проехал” [2, 366].

Московский и Ленинградский вокзалы как бы зеркально отражают друг друга, но этим, по мнению Битова, общность городов исчерпывается.

Интересно то, что сравнительно-сопоставительный анализ в рассказе Битова предваряет упоминание о мифологической двуглавой змее эмфисбеме. Амфисбена (от др.-греч. *αμφίς* – с обеих сторон – и др.-греч. *βαίνο* – иду) – в представлениях греков гигантская двухголовая змея, вторая голова которой находится на хвосте. В рассказе “Раздвоение личности (Исповедь двоеженца” с амфисбеной сравниваются “две головы” Ленина, то есть два памятника вождю пролетариата, находящиеся в Москве и Петербурге: “<...> когда с перрона вы входили под гулкие своды вокзала, вас встречала одна и та же голова Владимира Ильича, что в Москве, что в Ленинграде. Раз уж дорога была построена по идеальной прямой, то два Ильича загипнотизировали друг друга на многие десятилетия <...>” [2, 367]. В Античности амфисбена в своем символическом значении сближалась с образом двух змей кадуцея и воплощала гармонию и симметрию двух начал, а в средневековой архитектуре фигура амфисбены использовалась как символ бдительности (амфисбена на северном портале Венского собора). С другой стороны, в христианском искусстве она предстает, подобно другим чудовищам, творением Сатаны и олицетворением вездесущих сил зла. Здесь мы вновь сталкиваемся с амбивалентностью авторского восприятия, о котором говорилось выше, теперь уже не только в отношении Петербурга, но и по отношению к теме “Москва–Петербург”.

Кроме того, “амфисбена” означает “двигающаяся в двух направлениях”, то есть ни одна из голов амфисбены не является направляющей, главной; обе они как части единого организма, зависят друг от друга. Таким образом, Битов подчеркивает, что смысл сопоставления Петербурга и Москвы заключается не только в фиксации противоположностей и различий, но и в нахождении сфер, дублирующих и дополняющих друг друга, что вполне соответствует традиции изображения двух городов, сложившейся в русской литературе в XIX–XX веках.

Обратимся к зафиксированным Битовым в рассказе “Раздвоение личности (Исповедь двоеженца)” противоположностям Петербурга и Москвы. Первое, на чем акцентирует внимание автор, – возраст городов: “Хронологически Петербург был младенцем и по отношению к России, и по отношению к Москве; исторически он оказался старше сразу на три века” [2, 367]. Причина, по мнению Битова, кроется в том, что европейская цивилизация, лучшими достижениями, которой пользовался Петр при строительстве Петербурга, опережала русскую цивилизацию на 300–400 лет, и Петр “заложил свой город именно в настоящем времени Европы” [2, 367], следовательно, для России этот город был слишком преждевременным и непонятным. Подобные суждения находим в статье Г.П. Федотова “Три столицы” (1926): “Да, этот город торопился жить, точно чувствовал скупые пределы отмеренного ему времени. Два столетия жизни, одно столетие мысли <...>. За это столетие нужно было, наверстав молчание тысячи лет, сказать миру слово России” [цит. по: 5].

Итак, по мысли Битова, Москва – старый город (хронологически), Петербург – новый, но, если сравнивать эти два города с позиций возраста исторического, то города “меняются местами”: Петербург оказывается исторически старше, чем Москва.

Следующий аспект противопоставления – городская архитектура. Петербург в рассказе Битова – только “фасад Империи”, “без подъездов, без “куда человеку прийти” (по Достоевскому)” [2, 368], то есть место, не приспособленное для жизни людей: “Город был заложен Большим Человеком не для человека, а для будущего русского литературного героя (“маленького человека”) – Евгения, Башмачкина, Мышкина <...>” [2, 368–369]. Причину восприятия Петербурга как фасада отмечал Ю.М. Лотман: “разностилевая архитектура Петербурга, в отличие от архитектуры городов с длительной историей, не распадающаяся на участки разновременной застройки, создает ощущение декорации” [4, 16]. Тот факт, что Петербург строился быстрее Москвы, Битов также считает основной причиной того, что этот город “стал островом в самой России” [2, 368].

В отличие от Петербурга, Москва, по мысли Битова, “построена людьми и для людей” [2, 369], хотя по красоте ее не сравнить с Петербургом. Получается, что “Большой Человек”, который начал строительство Петербурга, то есть Петр I, не человек, поскольку в тексте рассказа противопоставлены друг другу номинации “Большой Человек” и “люди”. Тем не менее, абзацем выше Битов не столь категоричен в своих оценках деятельности Петра и отмечает постоянное существование в сознании людей двойного отношения к императору – “и как к великому реформатору, и как к Антихристу”.

В рассказе Битов утверждает важную для сопоставления Москвы и Петербурга мысль: “Пушкин – вот кого не поделить <...>” [2, 370]. Битов жил попеременно в двух городах: “Пушкин родился в Москве, а погиб в Петербурге. Женился на москвичке в Москве, был счастлив, проведя там медовый месяц, а четырех детей родила она ему в Питере. Пушкин дружил в Москве, а ссорился в Петербурге” [2, 370]. Личность Пушкина примиряет два города; он принадлежал и Москве, и Петербургу.

Интересно в рассказе и придание образам двух городов гендерных черт: следуя традиции, Битов наделяет Москву женскими чертами, а Петербург – мужскими. В частности, упоминая о своем переезде в Москву и считая себя коренным петербуржцем, он пишет: “Я не эмигрировал – я женился в Москву” [2, 370]. С другой стороны, цитируя “Медного всадника” Пушкина, писатель уподобляет противостояние двух столиц соперничеству двух женщин:

*И перед младшею столицей
Померкла старая Москва,
Как перед новою царицей
Порфиросная вдова <...>.*

Ах, смелые, преждевременные слова! Старая вдова снова удачно вышла замуж. За большевика. И уж она показала молодой царице! [2, 368].

В.Н. Топоров утверждает, что любой дуализм выдвигает проблему распределения функций между противоположными частями, и в отношении двух городов-столиц это актуально как никогда. Распределение функций между Москвой и Петербургом затрагивает и А. Битов в рассказе “Раздвоение личности (Исповедь двоеженца)”. Петербуржцу Битову крайне неприятно констатировать последствия переноса столицы нашего государства в Москву: “У нас отняли все, и прежде всего время. Питерское время стало московским. В буквальном смысле, потому что Пулковский (тридцатый) меридиан проходит через Питер, а не через Москву. Нам оставалось лишь слушать по радио раздающийся на всю страну голос диктора Левитана: “Говорит Москва. Московское время – ноль часов ноль минут” [2, 368].

В рассказе реальное пространство Москвы противопоставлено фантомному квазипространству Петербурга. Этот аспект антитезы репрезентируют следующие номинации и характеристики:

Москва

построена людьми и для людей, суше, южнее, теплее, росла восемь с половиной веков вокруг Кремля и Красной площади (и растет), росла как дерево (здесь содержится ключевое для “московско-петербургского” текста определение Москвы как города-растения, то есть живого организма, который естественным образом растет и развивается до сих пор), ей не до тебя, проглотит и не заметит, в Москве дружить легче (то есть человек в Москве не чувствует одиночества, он не один), женского полу

Петербург

фасад Империи, без подъездов, основан на болоте и костях, прекрасно спланированный, проклинаем его за климат, построили сразу, на горode лежит если не проклятье, то заклатье; на семи холмах, хорошо приехать в него туристом в белые ночи, но жить... “В Петербурге жить, словно спать в гробу <...>” – напишет Мандельштам; мужского полу

Можно сделать вывод о том, что в рассказах А. Битова (нередко и в пределах одного текста) сосуществуют две схемы противопоставления Москвы и Петербурга. В частности, в рассказе “Раздвоение личности (Исповедь двоеженца)” мы наблюдаем, с одной стороны, противопоставление бездушного, абстрактного, неуютного Петербурга естественной, русской, душевной, уютной Москве, а с другой – противопоставление Петербурга как культурного, планомерно организованного, цивилизованного, идеально спланированного города хаотичной, беспорядочной, нелогичной Москве.

Значительное место в рассказе занимает и повествование писателя о своей личной судьбе, неразрывно связанной и с Москвой, и с Петербургом. Примечательно то, что, рассказывая о своей жизни, Битов вновь возвращается к мифологическому символу амфисбены, так как постоянно движется в обоих направлениях: из Москвы в Петербург и из Петербурга в Москву.

В заключение рассказа Битов приводит небольшое стихотворение, из которого становится ясно: Петербург и Москва обладают внутренними резервами, компенсирующими их отличие друг от друга:

*Петербург или Москва?
Да у нас – всего по два!
Два надломленных крыла*

*У двуглавого орла,
Над дверями кабака
Он похож на табака.*

Кстати, почему эти головы смотрят в разные стороны? Не иначе, как одна на Восток, другая на Запад. Как поссорились. Друг друга не могут увидеть. Тогда левая голова – Петербург, правая – Москва. Поджарен на этой тоске наш орел-табака: почему это головы две, в короны три? [2, 375].

Не случайно писатель упоминает здесь двуглавого орла – фантастическую гербовую фигуру. Почему же крылья у этого орла “надломленные”? Наделение фантастической птицы подобным эпитетом напрямую связано с переносом столицы из Петербурга в Москву. В марте 1918 года в Кремль переехало большевистское правительство, и в том же году 1 ноября на Лобном месте при огромном скоплении народа была сожжена вся государственная символика дореволюционной России и царские регалии, причем двуглавному орлу предварительно перебили крылья, а вместо скипетра и державы в лапы вставили нагайку и цепи. Таким образом, Петербург и Москву навсегда связывает это ключевое событие в истории России, усугубившее противостояние двух городов.

Кроме того, наличие двух голов орла и трех корон автор связывает и со своей личной судьбой: “Моя жизнь оказалась уже не раздвоена, а растроена (с одним с) – на Петербург, Москву и Провинцию”; и далее: “Жизнь моя опять растроилась на Москву, Петербург и границу” [2, 374].

Итак, мы вновь наблюдаем уподобление Москвы и Петербурга фантастическому существу с двумя головами: в начале рассказа это была амфисбена, в финале – двуглавый орел. Оба символа амбивалентны: амфисбена воплощает античные представления о гармонии и равновесии и одновременно являет собой символ зла и хаоса; двуглавый орел также ассоциируется в массовом сознании с царственностью, могуществом государства, единством духовной и светской власти, и в то же время две его головы смотрят в противоположные стороны, что не может не вызывать ассоциации с разладом и дисгармонией.

Таким образом, Андрей Битов в своих рассказах обращается к социокультурным проблемам, связанным с осмыслением антитезы “Москва – Петербург” в русской истории и культуре. В его текстах не представляется возможным выделить какую-либо единую схему противопоставления двух городов, и часто в пределах одного рассказа наблюдается параллельное существование двух схем. Как коренной петербуржец Андрей Битов наделяет Петербург характеристиками, раскрывающими особенно теплое отношение к этому городу, неразрывную связь с ним, даже называя Петербург пустым и не приспособленным для людей городом. К Москве Битов питает менее теплые чувства, но тем не менее пытается нивелировать противостояние двух городов, “двух столиц” и “двух цариц”, считая, что фиксация различий, противоположностей Москвы и Петербурга может быть снята, преодолена, и петербургско-московская антонимичность представляет лишь внешний, поверхностный слой проблемы. Обозначенная тема может и в дальнейшем стать предметом исследования, так как в сознании людей всегда будет существовать исторически детерминированная антитеза “Москва – Петербург”, имеющая давнюю традицию изображения в русской литературе.

Литература

1. Битов А. Империя в четырех измерениях / А. Битов. – М. : Фортуна Лимитед, 2002. – 784 с.
2. Битов А. Полет с героем / А. Битов. – СПб. : Азбука-классика, 2007. – 416 с.
3. Вендина О. И. Городские мифы (преемственность и соперничество российских столиц) [Электронный ресурс] / О. И. Вендина. – Режим доступа : geo.1september.ru/.../geo36.htm.
4. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Избранные труды : в 3 т. – М., 1984. – Т. 2.
5. Топоров В. Н. Петербург и “Петербургский текст русской литературы” (Введение в тему) [Электронный ресурс] / В. Н. Топоров. – Режим доступа : philologos.narod.ru/ling/topor_piter.htm.

Аннотация

В статье рассматриваются различные аспекты противопоставления Москвы и Петербурга в малой прозе русского писателя и публициста, представителя постмодернизма Андрея Битова. На примере его рассказов анализируется такой объемный пласт Петербургского текста, имеющий давнюю традицию в русской литературе, как антитеза “Москва–Петербург”. Кратко описана история возникновения противопоставления двух культурных центров – Москвы и Петербурга. Определены социокультурные проблемы, связанные с осмыслением антитезы “Москва–Петербург” в прозе Андрея Битова.

Ключевые слова: Андрей Битов, Москва, Петербург, антитеза, квазипространство, диахрония, синхрония.

Анотація

У статті розглядаються різні аспекти протиставлення Москви та Петербурга в малій прозі російського письменника та публіциста, представника постмодернізму Андрія Бітова. На прикладі його повістей аналізується такий об'ємний пласт Петербурзького тексту, який має давню традицію в російській літературі, як антитеза “Москва–Петербург”. Коротко описана історія виникнення протиставлення двох культурних центрів – Москви та Петербурга. Визначені соціокультурні проблеми, пов'язані з осмисленням антитези “Москва–Петербург” у прозі Андрія Бітова.

Ключові слова: Андрій Бітов, Москва, Петербург, антитеза, квазіпростір, діахронія, синхронія.

Summary

Different aspects of contraposition of Moscow and Petersburg in small prose by A. Bitov, the Russian writer, publicist and representative of post-modernism, are viewed in the article. Such a huge volume of a Petersburg text as antithesis “Moscow–Petersburg”, with its old tradition in Russian literature, is analysed on the example of his short stories. A brief history of the beginning of contraposition of 2 cultural centres – Moscow and Petersburg – is given. Social-and-cultural problems connected with understanding of the antithesis “Moscow – Petersburg” in a Bitov's prose are determined.

Keywords: Andrey Bitov, Moscow, Petersburg, antithesis, quasi-space, diachrony, synchrony.